

Чжао Лань ответила: "Моя рука скоро вылечится. Лу Дафу пришлось блефовать перед семьей Бай. Иначе те люди никогда не позволили бы нам отделиться"

Это было лучше не говорить, но Чжао Лань уже упомянула об этом. Поэтому Бай Чжи тоже пришлось открыть рот: "Дядя Ли, пожалуйста, держите это в секрете. Если семья Бай узнает об этом, они обязательно устроят шумиху. Нас не волнует, что они сделают с нами, но мы боимся, что они обвинят в этом Лу Дафу и воспользуются этой возможностью, чтобы забыть о своем долге ему"

Староста Деревни Ли закивал головой: "Я понимаю, будьте уверены, это сгниет у меня в животе. Я ничего не скажу", - Староста Деревни Ли рассмеялся, последнее беспокойство в его сердце исчезло.

После долгого разговора Чжао Лань и Бай Чжи взяли свои вещи и отправились в лачугу. Когда открыли дверь, они обе были ошеломлены происходящим внутри.

Лачуга больше не была той лачугой, которой была раньше. Весь мусор, находившийся внутри, был вынесен. Теперь в комнате была кровать. На кровати было постельное белье и две вышитые подушки. В стене было недавно сделанное окошко, на котором была занавеска.

В углу была двухэтажная полка с двумя новыми тазиками и туалетный столик, на котором даже было бронзовое зеркало. Хотя это не было изысканно, Чжао Лань всплакнула от волнения.

Все знали, что, когда она вышла замуж за Бай Сань Чжу, с ней обращались не особо хорошо. Во время свадьбы у неё даже не было новой кровати.

Не говоря уже о том, что после смерти Бай Сань Чжу она и её дочь даже не видели бронзового зеркала.

Это было лишь несколькими простыми видами мебели, но слезы Чжао Лань не могли остановиться.

Жизнь в такой комнате заставила её почувствовать себя человеком!

Ху Фэн, несший ведро с водой, направился к лачуге. Там он увидел слезы на лице Чжао Лань, но она смеялась, а Бай Чжи спокойно утешала свою мать. Ху Фэн поставил ведро и сказал Бай Чжи: "Приготовь ужин, фазаны уже нарезаны"

Бай Чжи повернулась, чтобы посмотреть на Ху Фэна, высокую фигуру, стоявшую у двери. На фоне света она не могла увидеть выражение его лица, но ясно чувствовала его доброжелательность.

"Ху Фэн, спасибо"

Ху Фэн бросил взгляд на недавно построенные вещи в доме, он купил каждую из них.

Подумав о их прежней жилой среде, он, естественно, понял текущее настроение матери и ребенка.

"Эти вещи были куплены на заработанные тобой деньги. Тебе не нужно благодарить меня, я просто приложил немного силы", - спокойно проговорил Ху Фэн.

"Спасибо, не похоже, что все готовы приложить силы ради нас"

В деревне было много сочувствовавших им людей, но в большинстве своем они использовали только свои рты. Они тайно осуждали семью Бай, но кто на самом деле протянул им руку помощи?

Ху Фэн посмотрел в глаза и на маленькое личико Бай Чжи, её глаза были подобны звездам, ярко сияющим в ночи: "Если ты действительно хочешь поблагодарить меня, то хорошо поработай над нашим сегодняшним ужином. Это будет твоим мне вознаграждением"

Внезапно Бай Чжи улыбнулась, её губы изогнулись в красивую улыбку, подобную на цветок мирта, обнажая белые зубы: "Я не подведу тебя"

Когда Ху Фэн ушел, Бай Чжи поднесла ведро воды к своей матери, чтобы умыть её лицо: "Нян, посмотри на себя, если другие увидят тебя такой, они будут смеяться над тобой"

Чжао Лань улыбнулась и засмеялась, её лицо немного пылало красным: "Я хочу умереть. Ху Фэн увидел меня. Я не знаю, что он думает обо мне. Это действительно позорно"

Бай Чжи помогла Чжао Лань вытереть лицо, а также вытерла свое лицо. Затем она улыбнулась и сказала: "Ху Фэн ничего не видел. Он не из тех, кто любит говорить. Он не будет слишком много об этом думать, можешь не сомневаться"

<http://tl.rulate.ru/book/16079/852122>